
ЗА ПРЕДЕЛАМИ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ВОСПРИЯТИЯ

РУБЕН НАГДЯН

В последние десятилетия в психологии восприятия возникло новое направление, названное онтологическим и претендующее на замену существующего гносеологического подхода¹. Как известно, гносеологический подход осуществлялся в рамках соотношения объект–субъект, в конкретно-психологических исследованиях изучался не сам объект, а одно из его свойств (величина, форма, цвет, объем, удаленность, движение и т.д.), а место субъекта, отражающего это свойство, занимал образ. То есть, с одной стороны, брался “одномерный” объект, за скобки выводились его целостность и взаимосвязи с другими объектами, а с другой стороны, не учитывались личностные качества субъекта восприятия как носителя многообразия психических состояний, эмоциональных переживаний, ценностных ориентаций, стереотипов мышления.

Другой аспект ограниченности гносеологического подхода состоит в том, что вне внимания исследователей оставался процесс порождения, трансформирующий объект в образ, а вместо этого исследовались соотношения между изменениями количественных характеристик исследуемого свойства объекта или условий восприятия и изменениями его образа. Соответственно этой методологии и выбирались методы экспериментального исследования и анализа полученных результатов. Таким образом, ограничения гносеологического подхода проявлялись в выборе “одномерного” объекта исследования, в отрыве от многообразия внешних условий, в пассивности (“зеркальности”) субъекта отражения без учета многообразия его внутреннего мира и, наконец, в том, что не ставился вопрос о процессе порождения образа.

На эти ограничения и обратили внимание сторонники онтологического подхода, признанным лидером которого в России (как методолог, теоретик и экспериментатор) является В. А. Барабанщиков.

Так как методологическая основа становления и развития онтологического подхода – это философско-психологические воззрения С. Л. Рубинштейна, то анализ онтологической концепции восприятия будет проведен в контексте двух его работ – “Бытие и сознание” и “Человек и мир”.

В онтологическом подходе, согласно В. А. Барабанщикову, “восприятие рассматривается не просто как образ действительности в его отношении к самой действительности (гносеологический подход), а как порождение образа,

¹ См. **Шукова Г. В.** Парадигмальные изменения в современной психологии восприятия: от психического отражения к порождению психической реальности // “Гуманитарный вектор”. Педагогика, психология. 2013, № 33, том 1.

протекающее в единстве внешних и внутренних условий его существования»². Соответственно этой методологической установке исходным пунктом анализа восприятия для В. А. Барабанщикова оказывается не отображение объекта, т.е. образ, «а взаимоотношение человека, с миром, субъекта с объектом»³. Причем в этом новом понимании соотношения субъект–объект феномен восприятия смещается на его субъекта, который выступает как многомерное целое со своими задатками, способностями, направленностью личности и чертами характера⁴. Все это, согласно Барабанщикову, обуславливает потенциальный план восприятия и определяет онтологическое содержание и понятие субъекта. Такое понимание субъекта приводит к новому пониманию объекта. Традиционное понятие объекта-вещи (или элемента среды) сменяется понятием объекта-ситуации, в котором «ситуация характеризует способ объединения разнонаправленных “сил” и потенциалов в некоторое целое, в котором цементирующая роль и инициатива принадлежит человеку»⁵. Здесь же Барабанщиков делает дополнение, которое эксплицирует сущность его теоретической позиции: “Это – *его* ситуация (мир), а не ситуация (мир) вообще”⁶. “*Ego* ситуация” – то есть уже воспринятая ситуация (которую еще предстоит воспринять? Этот парадокс характерен и для гносеологического подхода, где исследуются закономерности “отражения” уже отраженного объекта; в обоих случаях исследуется не порождение перцептивного образа, а рефлексия уже отраженного объекта или ситуации, для чего, однако, необходимо ввести еще и понятие сознания).

Обращением к философскому определению ситуации, данному С. Л. Рубинштейном, уточним смысл нововведения Барабанщикова: “Всякая ситуация по самому существу своему проблема. Отсюда – постоянный выход человека за пределы ситуации, и сама ситуация есть становление. Становление или становящееся соотносено с тем внутренним в человеке, что, в свою очередь, соотносится с чем-то внешним по отношению к ситуации, выходящим и выводящим за ее пределы; это внешнее по отношению к ситуации связано с внутренним по отношению к человеку”⁷. Кроме того, “онтологичность” объекта-ситуации, по Барабанщикову, определяется тем, что в лабораторных исследованиях должны быть учтены не только физические и экологические, но и социальные и культурные условия, обуславливающие реальные способы жизни и деятельности человека⁸. В отличие от объекта-вещи, объект-ситуация, выступающий в виде констелляций разнородных событий как система детерминант, динамичен и продолжает разворачиваться и формироваться перед воспринимающим в ходе восприятия, “поэтому до завершения перцептивного процесса определить объект-ситуацию в полном объеме невозможно”⁹. С дру-

² Барабанщиков В. А. Онтологический подход в исследовании восприятия // «Философско-психологическое наследие С. Л. Рубинштейна». Т. 2. М., 2009, с. 81.

³ Там же, с. 88.

⁴ См. там же.

⁵ Там же, с. 91.

⁶ Там же.

⁷ Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., 1976, с. 338.

⁸ См. Барабанщиков В. А., указ. соч., с. 92.

⁹ Там же, с. 91.

гой стороны, так как разворачивание и формирование объекта-ситуации происходит не само по себе, а под влиянием и соответственно внутренним условиям субъекта, то получается, что “субъект конструирует свое бытие, одновременно подчиняясь ему”¹⁰. При таком подходе объект и субъект не разобщены, не противопоставлены – подобное противопоставление характерно для классических теорий восприятия, – а представляют собой противоположные полюса одного целого. Возможно, именно это имеет в виду Барабанщиков, когда пишет: “Объект и его образ оказываются полярностями одного и того же целого, а процесс восприятия открывается не только как отражение бытия, но и как его *порождение*”¹¹. Таким образом, все составляющие перцептивного явления объединяются в одно системное целое. Это позволило Барабанщикову всю совокупность предпосылок и детерминант, причин и следствий, взаимовлияний и воздействий, относящихся и определяющих процесс восприятия в акте бытия, сконцентрировать в центральном понятии онтологической концепции – перцептивное событие.

Однако, несмотря на тщательную теоретическую проработку понятий онтологической концепции восприятия и большой массив экспериментальных данных, полученных в русле этого подхода, Барабанщиков сам указывает на слабые стороны онтологической концепции. “Онтологический аспект перцептивного образа, – пишет он, – наименее изучен и нуждается в глубокой проработке, но именно он представляет наибольший интерес как с теоретической, так и с практической точки зрения”¹². Откуда возникает эта проблема? Какие особенности теоретического анализа приводят к ее появлению?

Раскрывая содержание предмета онтологического подхода, Барабанщиков указывает на “взаимопроникновение субъекта и объекта восприятия, способности порождения и существования чувственного образа и его обусловленность системой внешних и внутренних детерминант”¹³. Особенность приведенного ряда компонентов и детерминантов процесса восприятия заключается в том, что их некорректно рассматривать в одной теоретической плоскости, так как порождение образа принадлежит неосознаваемой и непосредственно не наблюдаемой области бытия, а все остальные – области наличного бытия, доступные для непосредственных эмпирических исследований. И действительно, порождение образа Барабанщиков понимает как переход вещей и событий от бытия “в себе” к бытию для субъекта. Таким образом, Барабанщиков говорит о двух видах бытия, которым должны соответствовать разные онтологии. Однако специального анализа способов (или принципов) порождения перцептивного образа в цитируемой статье нет. Вместо этого большое внимание уделяется анализу перцептивного образа, его зависимости от перцептивных потребностей, внешних и внутренних условий и т.д. Однако отметим, что сам перцептивный образ, потребности и разного рода детерминанты, определяющие и обуславливающие характер чувственного образа, относятся к на-

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, с. 97.

¹² Там же, с. 98.

¹³ Там же, с. 87.

личному бытию и составляют содержание сознания человека, являясь продуктами процесса отражения. С одной стороны, это дает возможность эмпирически проверить теоретические положения онтологической концепции восприятия и ее практическое применение. С другой стороны, остается нерешенным вопрос о порождении образа, сложность изучения которого в том, что оно непосредственно не дано никому – ни исследователю, ни исследуемому. То есть порождение происходит таким образом, что остается за пределами нашего чувственного опыта. Именно поэтому определение содержания перцептивного события останется неполным до тех пор, пока не будет заполнен этот пробел. Кроме того, поскольку “на чувственной поверхности явлений представлен итоговый, суммарный результат глубинных процессов, взаимодействий и определений как процессов в сущем”¹⁴, то становится понятным, что “глубинные процессы в сущем”, ответственные за порождение перцептивного образа, предполагают другой способ существования, определяющий (по Рубинштейну) другой уровень бытия и, следовательно, другую онтологию. А это приводит к тому, что процессы порождения не могут быть описаны в системе понятий результатов порождения – всего того, что относится к остальным компонентам перцептивного события, существующим в наличном бытии. Поэтому “язык” описания перцептивного события в своей целостности становится неоднородным, появляется необходимость создания и применения разных онтологических подходов для описания разных составляющих перцептивного события, существующих на разных уровнях бытия.

Выявленная выше познавательная неоднородность не нова и уже встречалась в истории науки. В физике она выступала как противоречие, возникающее при переходе к изучению явлений более глубокой, непосредственно не наблюдаемой реальности явлений микромира. В. Гейзенберг писал: “Копенгагенская интерпретация квантовой теории начинается с парадокса. Она исходит, с одной стороны, из положения, что мы должны описывать эксперимент в понятиях классической физики, а с другой – из признания, что эти понятия не точно соответствуют природе (свойствам элементарных частиц – *Р. Н.*). Противоречивость этих исходных положений обуславливает статистический характер квантовой теории”¹⁵. Как видим, “физическое событие” в ситуации экспериментального исследования квантов, элементарных частиц и их свойств точно так же неоднородно в языковом аспекте, как и перцептивное событие в ситуации, когда исследуется порождение перцептивного образа. Однако необходимо отметить, что сравниваемые события в физике и в психологии принципиально различны: квантовое явление находится вне наблюдателя и может быть изучено им, как и остальные явления природы (однако и здесь есть свои специфические особенности), а психический процесс порождения имплицитно протекает внутри исследователя, за пределами осознания, не попадая тем самым в сферу эмпирических исследований как центральная и главная часть перцептивного события, и изучается большинством психологов через его же продукты, составляющие эксплицитно данные компоненты перцептивного

¹⁴ Рубинштейн С. Л., указ. соч., с. 305.

¹⁵ Гейзенберг В. Физика и философия. М., 1963, с. 35.

события. А это уже другой парадокс, характерный для продуктного подхода, потому что редукция или объяснение порождения через его же продукт невозможны. Хотя психический процесс и его продукт противоположны, отрицают друг друга (в процессе еще нет продукта, а в продукте процесс уже завершен) и составляют части единого целого.

Вышесказанное вынуждает внести дополнительные, в том числе и методологические, уточнения в теоретическую конструкцию онтологической концепции восприятия.

Что же ограничивает возможности психологов, изучающих порождение перцептивного образа? Как исследовать особенности (принципы, закономерности) порождения? Как описать то, что приводит к порождению, – порождающее? Так как порождение – это “глубинные процессы в сущем” (по Рубинштейну), то для ответа на эти вопросы необходимо составить представление об этом сущем, о бытии, точнее, о бытии как вещи для себя.

Согласно философским воззрениям Рубинштейна “бытие” как термин “пытается определить нечто по тому, что оно *есть* (здесь и далее выделено нами – **Р. Н.**), но при этом неизвестным остается, *что* оно есть”¹⁶. Продолжая эту мысль, можно сказать, что нечто в бытии наполняется содержанием лишь после появления субъекта, и тогда вещь для себя становится вещью для нас как объект познания (в частном случае – как объект восприятия): “Для сознания субъекта бытие всегда выступает как противостоящая ему объективная реальность”¹⁷. Таким образом, Рубинштейн различает понятия объекта и бытия, объективной реальности и бытия и выступает против их отождествления, потому что оно приводит к субъективному идеализму, отрицающему существование независимого от человека бытия. “Сознание, – пишет Рубинштейн, – невозможно без отношения к бытию как объективной реальности, однако бытие, мир может существовать и не становясь объектом для субъекта, для его сознания, может существовать и не выступая в этом качестве”¹⁸. Итак, в бытии нет объектов, пока нет субъекта, но в нем есть независимое от субъекта нечто, о котором неизвестно, *что* оно есть. Объективную реальность Рубинштейн характеризует как ставшая из независимо существующего от субъекта бытия, вещи в себе, вещь для нас¹⁹. То есть под объектом или объективной реальностью подразумевается уже отраженная, воспринятая реальность, находящаяся в процессе познания: “Вещи, существующие независимо от субъекта, становятся объектами по мере того, как субъект вступает в связь с вещью и она выступает в процессе познания и действия как вещь для нас”²⁰. Следовательно, подчеркнем еще раз, Рубинштейн различает, с одной стороны, бытие, существующее независимо от субъекта, вещь, нечто, существование которого не в состоянии определить его сущности, и переход этого нечто через субъекта в объект, объективную реальность – с другой.

Такое определение объективной реальности, включающее в себе переход

¹⁶ Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. СПб., 2012, с. 84.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См. там же, с. 85.

²⁰ Там же.

от бытия как вещи в себе к бытию как вещи для нас, по мнению Рубинштейна, с необходимостью поднимает вопросы о соотношении трансцендентного и имманентного, имплицитного и эксплицитного.

При рассмотрении соотношения имплицитного и эксплицитного Рубинштейн основывается на том, что исходной предпосылкой марксистской философии является независимое от познания существование познаваемого бытия. Причем основным инструментом, посредством которого она, эта предпосылка, реализуется, – это понятие трансцендентного как имплицитно данного²¹. Рубинштейн рассматривает два понятия трансцендентного: “1) трансцендентное как обособленное сущее, отделенное hiatus’ом (зиянием), такое, к которому нет путей от имманентного, 2) трансцендентное как выходящее за пределы того, чем оно задается, – выход объекта мысли за пределы мысли об объекте”²². В процессе познания имманентное и трансцендентное неразрывно связаны между собой, и в то же время при решении проблемы соотношения явления и сущности они выступают в виде соотношения непосредственно познаваемого (данного) и познаваемого опосредствованно, через непосредственно данное выявляемого²³. Процесс познания, согласно Рубинштейну, начинается с эксплицитно данных познания, которые влекут за собой “как имплицитное, содержание объекта (сущего)”²⁴.

Могут ли приведенные выше особенности познания понять психический процесс порождения, который также относится к области трансцендентного?

При переходе от философских рассуждений Рубинштейна о взаимоотношениях бытия и сознания, человека и мира к решению конкретно психологических проблем необходима определенная осторожность. Касаясь решения человеком онтологических и гносеологических проблем, Рубинштейн рассуждает о познании в целом, не выделяет особенности познания психического как порождающего процесса, превращающего нечто в бытии в объективную реальность для субъекта. Большею же частью он рассматривает психическое как способ отражения действительности и ее познания через продукты непосредственного-чувственного отражения, восприятия, мышления. Методологической основой для привнесения продуктного образа мышления в психологию является продуктный подход, характерный для марксистской гносеологии, рассматривающей познание как отношение между субъектом (с уже принадлежащей ему психикой) и существующим независимо от него бытием. Однако продуктный подход, возможно, адекватный для решения задач материалистической философии, ограничивает решение фундаментальных проблем психологии, касающихся порождения психических явлений, например, перцептивного образа.

Ограниченность продуктного подхода в психологии впервые была многосторонне исследована в докторской диссертации А. И. Миракяна²⁵. Он по-

²¹ См. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии, с. 320–321.

²² Там же, с. 321.

²³ См. там же, с. 322.

²⁴ Там же.

²⁵ См. Миракян А. И. Константность и полифункциональность восприятия. Дисс. доктор. психол. наук. М., 1987.

казал, что независимо от науки, изучающей закономерности психического отражения – философии, психологии, психофизиологии, кибернетики, – эти закономерности изучались через продукты завершённого процесса отражения и выражались через логические отношения между ними, присущие данной науке и эмпирическому образу мышления исследователя, но не самому процессу порождения. Но самое главное – прежде не замечали, что при исследовании отражения какого-либо свойства объекта (величины, формы, скорости, а в общем случае, если сюда же включить внешние и внутренние условия, объекта-ситуации онтологической концепции восприятия) в качестве исходных данных брались эти же, уже отраженные свойства объекта, что не позволяло затем проникнуть в процесс их порождения.

Трансцендентность порождающего процесса восприятия не вызывает сомнений – он непосредственно не представлен в нашем чувственном опыте, но как представить эту трансцендентность и что из этого следует? Вновь обращаясь к философской концепции Рубинштейна, отметим, что трансцендентность порождающего процесса может быть понята в двух вышеприведенных смыслах одновременно. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, порождение, оставаясь трансцендентным, задается перцептивным образом (если есть образ, то должен быть и процесс, к нему приводящий), с другой стороны, порождение, являясь трансцендентным по отношению к действительности эксплицитно данных – перцептивного образа, предпосылок и детерминант процесса, – не может быть изучен посредством этих же продуктов восприятия и таким образом остается непознаваемым. Иными словами, то, чем задается трансцендентное, оно же как уже воспринятое чувственно данное ограничивает возможности своего познания. Поэтому необходимо признать уникальность психического процесса порождения как объекта познания среди прочих объектов познания, особенно материальных. Об этой уникальности Г. В. Шукова пишет как об “абсолютной особости экспликации психики в качестве объекта исследования”. И далее уточняет: “Если психика есть форма материальности, потенциально существующая вне ее опредмеченности, то она никак не может исследоваться только на уровне своей атрибутивности – как свойство человека, как непосредственно данная в виде образа, процесса, явления и т.п. психическая реальность”²⁶. Эволюция готовила человека для функционирования в материальной среде. Поэтому все его познавательные способности приспособлены для отражения материальных вещей и отношений между ними, у него формируется эмпирический образ мышления, предназначенный для “работы”, в первую очередь, с перцептивными образами этих вещей или с понятиями, им соответствующими, то есть с продуктами психического отражения, но не с порождающим их процессом.

Выбирая в качестве предмета познания или исследования психический процесс отражения, а точнее – порождения, мы тем самым создаем парадокс. Он состоит в том, что для изучения порождающего процесса исследователь должен иметь как эксплицитно данное его перцептивный образ. И тут мы приходим к противоречию, потому что процесс не может воссоздать себя в

²⁶ Шукова Г. В., указ. соч., с. 111.

форме перцептивного образа, поскольку изначально он предназначен для преобразования другого, внешнего, находящегося за его пределами, взаимодействующего с ним. Порождающий процесс не может воздействовать сам на себя, а потому воспроизвести, выявить и познать самого себя, он предназначен для выявления и познания “другого”. Поэтому порождающий процесс не может быть вновь порожден в качестве перцептивного образа самого себя, не может быть явлением, феноменом восприятия, предметом эмпирического исследования, потому что научный путь исследования от явления к сущности в этом случае прерывается. Нельзя говорить ни о явлении, ни о сущности порождающего процесса, а лишь о его существовании. Поэтому полиредукционистский подход к изучению психического, также основанный на продуктивном подходе, будет эффективен лишь на практике, потому что выявляет и учитывает многообразие всевозможных *условий существования* того, данного лишь имплицитно, что обозначено как “психическое”, но не в состоянии определить концепт и исследовать само психическое как нечто, имплицитно существующее в бытии, независимо от эксплицитно данных условий существования.

Таким образом перцептивный образ – это не порождающий процесс, а трансцендентное и имплицитное нечто, существующее в независимом от человека бытии, которое еще не стало объективной реальностью для субъекта. Перцептивный образ – свидетельство существования порождающего процесса: “Существование, бытие сущего, – пишет Рубинштейн, – заключается в том, чтобы обнаруживаться (являться) и ... скрываться”²⁷.

Исследование процесса порождения через психическое, через рефлексированные продукты психической деятельности не может привести к его пониманию. И оказывается, что никакой редукцией к какой-либо научной области знания невозможно объяснить порождение психического. Остается сделать вывод, что о порождении мы не можем говорить как о явлении, что “процесс порождения психического” или в частном случае “процесс порождения перцептивного образа” это – *априорное понятие*, стереотип нашего мышления. Ведь из опыта нам известно: непосредственно данное рождается, развивается и умирает, переходя в новое качество. А в случае перцептивного образа, если полагать, что он каким-то путем возникает, то речь должна идти о процессе, а не внезапном появлении (но, может быть, и этот вариант достоин внимания ученого?). Поэтому понятие “психический процесс” (не последовательность или череда отдельно зафиксированных психических актов, а непрерывно протекающее внутри этих актов и в промежутках между ними) – это понятие, обозначающее сверхчувственное, сверхопытное, исследование которого требует применения априорных понятий. А вся совокупность этих особенностей порождающего процесса восприятия – трансцендентность, сверхчувственность, невозможность непосредственного эмпирического исследования, необходимость применения априорных понятий – указывает на необходимость обратиться к новому для современной психологии (хорошо забытому старому) метафизическому методу, позволяющему исследовать закономерности именно такой, “запредельной”, реальности, такого уровня имплицитного бы-

²⁷ Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии, с. 305.

тия, в котором содержится возможность породить все сущее, в том числе психическое отражение, осуществляемое как порождающий процесс.

Ввиду многозначности понятия «метафизика» уточним, что мы вкладываем в него не смысл, присущий современной психологии (некое противопоставление диалектическому методу), а традиционный – «учение обо всем, что носит сверхопытный, сверхфизический характер»²⁸.

Рубинштейн отрицательно относился к метафизике. «С этого ведет свое начало идеализм, – писал он, – и вместе с тем эволюция онтологических понятий, приводящая в тупик, в который уперлась затем метафизика. С этого начинается и оформляется противоположность материализма и идеализма»²⁹. Но так ли это?

Сомнения по этому поводу возникают уже потому, что, анализируя философию наивного материализма древнегреческих атомистов (Левкипп, Демокрит), С. Н. Трубецкой убедительно показывает, что она целиком построена на метафизических предпосылках³⁰. Отсюда можно сделать вывод, что метафизика имеет отношение не только к идеализму, но и к материализму, к предполагаемым первоосновам бытия (атомы и их свойства), из которых затем строится материалистическая, в частности научная, картина мира. То есть метафизика не направление в философии, а образ мышления о бытии в целом, предмет которого может относиться как к материализму, так и к идеализму (материя, атомы, Бог, душа и т.д.). В подтверждение сошлёмся на физику Ньютона, олицетворяющую научно-материалистический подход к изучению природы; многие ее фундаментальные понятия (абсолютное пространство, абсолютное время, инерция, сила, энергия, электричество) – это метафизические сущности, непосредственное изучение которых невозможно, хотя и предполагается их имплицитное существование как особенностей реальности³¹.

Важный вклад в понимание познавательных возможностей метафизики, как это ни удивительно, делает основатель научной (экспериментальной) психологии В. Вундт. Он выделяет три стадии развития метафизики – поэтико-мифологическую, диалектическую и критическую, – а кроме того, показывает метафизику с неожиданной для философов психологической стороны – как «неискоренимый умозрительный инстинкт человеческого духа»³². В доказательство Вундт оригинально анализирует мировоззренческие концепции трех естествоиспытателей – Э. Геккеля, В. Оствальда и Э. Маха, которые хотя и относили себя к убежденным противникам метафизики, в основание своих представлений о мире и его познании положили метафизические предпосылки. Это свидетельствует: в каждом человеке, независимо от его мировоззрения, живет метафизик, который пробуждается в нем при встрече с непроявленными первопричинами сущностей; у каждого это происходит особым об-

²⁸ Мамардашвили М. К. Необходимость себя. М., 1996, с. 117.

²⁹ Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии, с. 294.

³⁰ См. Трубецкой С. Н. Метафизика в древней Греции. М., 2003, с. 322–328.

³¹ См. Захаров В. Д. Метафизика в науках о природе // «Вопросы философии», 1999, № 3, с. 97–111.

³² Вундт В. Метафизика // «Философия в системном изложении». М., 2006, с. 117–150.

разом, в соответствии с индивидуальной методологией познания мира.

В предыдущей статье³³ мы подробно обсудили, как психология соотносится с метафизикой, показали истоки ее отрицания, обусловленного изменением в 1920-е годы философско-методологического базиса психологии. Постепенно была утрачена традиция и культура метафизического образа мышления, слово “метафизика” стало в советской и постсоветской психологии почти запретным, а потом и ненужным.

Однако онтология – учение о бытии – не была запретной, ибо вместе с гносеологией составляла часть марксистской философии. А так как метафизика и онтология – близкие по смыслу понятия, то метафизика была полностью заменена онтологией, но такой, в которой не использовались эмпирически недоказуемые предположения и гипотезы о трансцендентных первопричинах явлений и о соответствующем устройстве мира, скрытого за этими явлениями. Это была другая, не метафизическая онтология.

Учение о бытии (в современном понимании – онтология) в явной своей форме было представлено в “первой философии” Аристотеля, то есть была частью метафизики. Другими словами, по Аристотелю метафизика (“первая философия”) была способом рассуждения о “бытии в возможности” и не предназначалась для познания “бытия в действительности”, которое изучалась физикой и другими науками. То есть областью познания метафизики было умозрительное постижение первопричин и начал всего (бытия, бога, души, движения и т.д.), что было сверхчувственно и находилось “по ту сторону физики”. Поэтому онтологию называли еще и метафизикой бытия, но под бытием подразумевалось “бытие в возможности”, или, используя терминологию Рубинштейна, бытие, еще не ставшее объективной реальностью для субъекта.

Исчезновение метафизики с горизонта психологической науки было следствием понимания и определения бытия как существующей независимо от субъекта *познаваемой* реальности, познание которой направлено от эксплицитно данного имманентного к трансцендентному. При таком определении бытия и его познания метафизика теряет свое значение, потому что предназначена для познания того трансцендентного, которое задается имманентным, но не определяется им. А онтология в этом случае меняет свой смысл, превращаясь в учение об универсальных закономерностях действительности, которая окружает человека, которую можно наблюдать и подвергнуть количественному и качественному анализу. Именно такое понимание онтологии и онтологического подхода используется в современной психологии. Но в таком понимании нет ничего метафизического, и поэтому такая постановка способа познания входит в противоречие с возможностями исследования предмета нашего анализа – порождающего процесса восприятия, потому что, как было показано, психический порождающий процесс не исследуется (в настоящее время) научными методами, то есть от эксплицитно данных в восприятии к имплицитным и трансцендентным возможностям их порождения.

Отчуждение от метафизики в современной психологии настолько сильно,

³³ См. **Нагдян Р. М.** Из истории связи психологии и метафизики // “Вестник Ереванского университета”, “Философия, психология”. 2014, № 2 (143), с. 67–79.

что от нее отказываются, заменяя онтологией, даже тогда, когда в ее применении есть прямая необходимость. Так, например, Ш. Р. Хисамбеев, проводя историко-психологический анализ “Монадологии” Лейбница, называет ее “онтологической концепцией”³⁴. Это ужестораживает, потому что Лейбниц нигде не говорил о своей “Монадологии” как об онтологической концепции. Напротив, он много писал о метафизике и принимал ее как особый метод познания, и его “Монадология” – яркий пример применения метафизического подхода к пониманию устройства и организации бытия. Авторы одного из учебников философии пишут: «Г. В. Лейбниц развивает плюралистическое учение о множественности субстанций, лежащих в основе мира. Это особые духовные единицы, или точки, они просты, лишены частей, непространственны. Лейбниц называет их “монады”, а свою метафизику – монадологией»³⁵. Метафизика включает в себя онтологию (Лейбниц), но не всякая онтология (Барабанщиков) возникает из метафизики. Поэтому формальное совпадение двух названий – “онтологическая концепция Лейбница” и “онтологическая концепция восприятия” – может вызвать ошибочное представление о тождественности философско-методологических оснований этих двух концепций. Однако это совершенно разные онтологические концепции, относящиеся к разным уровням бытия – “бытию в возможности” (Лейбниц) и “бытию в действительности” (Барабанщиков).

В статье Хисамбеева, как видим, метафизика замещается онтологией и опять выпадает из пространства методологических понятий современной психологии. Это приводит к тому, что мышление исследователей, осознанно или неосознанно, остается ориентированным лишь на “бытие в действительности”, и они продолжают свои поиски решения проблем порождающего процесса восприятия не там, где было “потеряно” – имплицитная область трансцендентного “бытия в возможности”, – а там, где светло и знакомо.

Таким образом, есть основания полагать, что метафизический подход является сегодня одним из подходов к изучению порождающего процесса восприятия, который можно совместить с научным методом (подобно тому, как это произошло и продолжает происходить с физикой). Доказательство в неявной форме было представлено намного раньше в трансцендентальной психологии восприятия³⁶. Ранее мы показали³⁷, что автор этой концепции А. И. Миракян использовал именно метафизический (по определению Миракяна – афизикальный) подход к изучению порождающего процесса восприятия. Однако дело в том, что сам он не использовал термина “метафизика”, потому что в сообществе психологов и философов того времени было принято мнение,

³⁴ См. **Хисамбеев Ш. Р.** Историко-психологический анализ гносеологической и онтологической парадигм в классической немецкой философии: Лейбниц и Кант // «Психологические исследования», 2013, т. 6, № 31.

³⁵ **Кузнецов В. Г., Кузнецова И. Д., Мионов В. В., Момджян К. Х.** Философия: учебник. М., 2004, с. 154.

³⁶ См. **Миракян А. И.**, указ. соч., с. 433, а также **Миракян А. И.** Начала трансцендентальной психологии восприятия // «Философские исследования», 1995, № 2, с. 77–94.

³⁷ См. **Нагдян Р. М.** Метафизические предпосылки трансцендентальной психологии восприятия // “Вестник Ереванского университета”, “Философия, психология”. 2013, 140.4, с. 54–68.

что метафизика и материализм – противоположные по смыслу понятия (поэтому Демокрита мало кто воспринимает как метафизика, хотя на самом деле он метафизик-материалист, а Лейбниц – метафизик-идеалист, потому что его монады наделены душой. Оба философа были метафизиками, потому что давали картину бытия – онтологию – как “бытия в возможности”). Поэтому наиболее приемлемым для Миракяна термином, обозначающим принципиально новую концепцию восприятия и претендующую на статус новой парадигмы в психологии (сравнительный анализ современных парадигм восприятия проведен в работе Г. В. Шуковой³⁸), оказалось понятие “трансцендентальное”, которое обозначает область существования объекта познания, но не точно определяет метод его исследования, так как трансцендентное можно исследовать как метафизическими, так и научными методами. Первый путь познания – это путь от глубин мироздания, от картины мира, каким он предстает до человека, от общего и целостного к единичному и конкретному, данному в восприятии человека; в этом случае направление, в каком движется мысль исследователя, совпадает с направлением развития эволюции и генеза процесса восприятия. Второй, научный, путь познания неизвестного и трансцендентного начинается с конкретного объекта и условий его существования, данных сознанию как продукты восприятия, и направлен к более глубоким уровням бытия. Однако этот путь предназначен для исследования всех тех событий, существующих в мире и отражающихся в виде перцептивных образов, кроме психического порождающего процесса, который нельзя представить нашему сознанию непосредственно в виде эксплицитно данного перцептивного образа; научными методами можно исследовать только осознаваемые продукты психической деятельности и все многообразие взаимоотношений между ними.

Осознание всего вышесказанного и побудило Миракяна к решению метафизической задачи – описать такое устройство бытия, которое заключало бы в себе возможности порождения нового. Интересно, что при этом Миракян не идет путем субстанционального способа описания бытия по образцу Демокрита или Лейбница и за фундаментальную особенность реальности принимает не существование в ней материальных форм, а спонтанную возможность образования отношений между ними. Материальные формы бытия в концепции Миракяна совершенно безлики; эта характеристика сущего употребляется им вполне осознанно, потому что придание материальным формам каких-либо свойств, как в случае атомов Демокрита и монад Лейбница, означало бы привнесение продуктного подхода в метафизическую конструкцию онтологической концепции. Чтобы избежать игры слов, поясним соотношение между метафизикой и онтологией соотношением формы и содержания: в онтологических концепциях, относящихся к “бытию в возможности”, метафизика – это форма, а онтология – содержание. Еще раз подчеркнем, что трансцендентальная психология Миракяна – это метафизическая по форме и онтологическая по содержанию концепция восприятия. Мы солидарны с предложением В. И. Панова обозначить онтологии, относящиеся к “бытию в действительности”, как, например, в концепциях Барабанщикова и Ж. Пиаже, “эпистемоло-

³⁸ См. Шукова Г. В., указ. соч.

гической онтологией»³⁹. Поэтому можно различать метафизическую онтологию Миракяна и эпистемологическую онтологию Барабанщикова.

Поскольку категория отношения становится в образе мышления Миракяна центральной, то его концепция порождающей реальности построена в основном на “процессуальных” понятиях, характеризующих возможность или невозможность образования отношений. Это позволило Миракяну освободиться от продуктивных оснований анализа, заводящих в тупик при поиске принципов порождающего процесса восприятия в гносеологической парадигме. Такими основополагающими априорными понятиями в трансцендентальной психологии восприятия являются понятия самодвижения, самосохранения, саморазрушения, отношения единства и различия, гомогенности, анизотропности, дискретизации, фиксации и т.д. Используя эти понятия, Миракян формулирует принципы гипотетического порождающего процесса как существующие в бытии саморазвивающиеся тенденции. Их следы должны проявляться и проявляются в “бытии в действительности”, например, в структурно-процессуальной анизотропности органов восприятия живых существ и парно-симметричной организации их тел. А это позволяет экспериментальную проверку изначально принятых метафизических предположений, чем и обеспечивается переход от метафизических рассуждений к научным исследованиям.

Таким образом, за пределами наличного бытия существует другое, более глубокое – “бытие в возможности” (Аристотель), бытие, которое еще не стало объективной реальностью для субъекта (Рубинштейн), бытие “в себе” (Барабанщиков), ничто или реальность отсутствующего (Миракян): этот тезис принимается многими психологами. Отсюда следует, что существуют разные уровни бытия, которым соответствуют разные онтологии. Это важный момент в исследовании порождающего процесса восприятия, так как возникают вопросы: на каком уровне бытия следует искать принципы порождающего процесса восприятия, на какую онтологию опираться, и если этот уровень бытия более глубокий (Рубинштейн, Миракян), то какой метод адекватен для создания онтологии этого уровня бытия? Для Барабанщикова, насколько нам известно, такой дилеммы не существовало. Хотя он и критиковал продуктивный подход, отмечая ограниченность его возможностей, тем не менее, в своих теоретических рассуждениях опирается на онтологию наличного бытия, то есть, как показал анализ Панова, на совокупность уже отраженных внешних и внутренних условий восприятия⁴⁰.

Трансцендентальная психология восприятия, предложенная Миракяном, раскрывает возможности порождения психического на более глубоком уровне бытия и является прелюдией к новой философии и методологии психологии. Она выходит за пределы современной онтологической концепции восприятия и построена не на фундаменте психических феноменов и психологических метафор, а на онтологии глубинных уровней природы, что и требуется, в первую очередь, для создания психологии как естественной науки.

³⁹ См. **Панов В. И.** Непосредственно-чувственный уровень восприятия движения и стабильности объектов. Дисс. доктора психол. наук. М., 1996.

⁴⁰ См. **Панов В. И.**, указ. соч.

Ключевые слова: *восприятие, онтология, отражение, метафизика, уровни бытия*

ՌՈՒԲԵՆ ՆԱՂԴՅԱՆ – ԸՆԿԱԼՄԱՆ ԳՈՂԱԲԱՆԱԿԱՆ ԽԱՅԵՑԱԿԱՐԳԻ ՍԱԽՄԱՆՆԵՐԻՅ ԵՆՈՂԻՆ – Հոդվածում Ս. Լ. Ռուբինշտեյնի փիլիսոփայափոփոխական աշխատանքների հիման վրա վերլուծվում է Վ. Ա. Բարաբանշիկովի ընկալման գոյաբանական խայեցակարգը: Ցույց են տրվում ընկալման իմացաբանական այդ մոտեցման առավելությունները հարացույցի համեմատությամբ, ինչպես նաև հոգեբանության հիմնային խնդիրների լուծման ժամանակ դրա դրսևորած սահմանափակությունները: Փորձ է արվում հիմնավորելու, որ իբրև այլընտրանքային մոտեցում գերադասելի է Ա. Ի. Միրաբյանի ընկալման տրանսցենդենտալ հոգեբանությունը, որը կառուցված է ոչ թե հոգեկան երևույթների, այլ գոյաբանական հիմքի վրա:

Բանալի բառեր – *ընկալում, գոյաբանություն, գոյ, արտացոլում, մետաֆիզիկա, գոյի մակարդակներ*

RUBEN NAGHDYAN – Beyond Ontological Concept Ranges. – The article analyzes the ontological concept of V. A. Barabanshikov's perception paradigm based on S. L. Rubinstein's philosophical and psychological works. The article shows the advantages of this approach over the gnoseological paradigm of perception. Nevertheless, the article shows the restrictions of this approach in the solution to the basic problems of psychology. It seeks to show that A. I. Miraqyan's perception of transcendental psychology can be more alternative and appropriate approach, which is constructed not on the basis of psychological phenomena but on the deeper level of ontology of nature.

Key words: *perception, ontology, reflection, metaphysics, levels of existence*